

Ашик-Кериб — эпизод 3 из 4

Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилияз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня. Слабый голос старухи отвечал ему: Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии. Ана, отвечал он, я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня. Тогда сестра его говорит матери: Мать, я встану и отворю ему двери, Негодная, отвечала старуха, ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение. Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: Что висит у тебя на стене? Любопытный ты гость, отвечала она, будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом. Я уж сказал тебе, возразил он, что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене? Это сааз, сааз, отвечала старуха сердито, не веря ему. А что значит сааз? Сааз то значит, что на ней играют и поют песни. И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. Нельзя, отвечала старуха, это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене и ничья живая рука до него не дотрогивалась. Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней. И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: Я бедный Кериб (нищий) и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника. После этого мать его зарыдала и спрашивает его: Как тебя зовут? Рашид (храбрый), отвечал он. Раз говори, другой раз слушай, Рашид, сказала она, своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын

придет? И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами, Не позволю, отвечала старуха, с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходил из дому. Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, а если хоть одна струна порвется, продолжал Ашик, то отвечаю моим имуществом. Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет. В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: Селям алейкум: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню. Почему же нет, сказал Куршуд-бек. Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота. Тогда Куршуд-бек спросил его: А как тебя зовут, путник? Шинды Гёрурсез (скоро узнаете). Что это за имя, воскликнул тот со смехом. Я первый раз такое слышу! Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя. После этого он взял сааз и начал петь: В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день. Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в день? За что ж ты меня хочешь убить, сказал Ашик, певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.